

ТИПЫ ИЗЪ
КОМЕДИИ
«РЕВИЗОРЪ».

Барельефъ
на
памятникѣ
Гоголя
въ Москвѣ.

М. Г. Казариновъ

РЕВИЗОРЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Къ столѣтію со дня окончанія Н. В. Гоголемъ комедіи „Ревизоръ“

На этихъ дняхъ истекаетъ столѣтіе со времени окончанія Гоголемъ его безсмертной комедіи «Ревизоръ». Обширная переписка того времени, какъ самого Гоголя съ другими лицами, такъ и другихъ лицъ между собою, воспроизведенная въ многочисленныхъ сборникахъ, даетъ полную возможность возстановить и тѣ условія, при которыхъ была написана, и тѣ впечатлѣнія, которыя произвела въ русскомъ обществѣ эта знаменитая комедія.

«Духъ накатыль»

Осенью 1835 года настроеніе Гоголя было нервное. Его профессура въ СПБ Университетѣ выдохлась, какъ-будто, сразу-же послѣ первой лекціи; въ карманѣ было пусто, а въ душѣ хотя и клокотали творческія силы, но вырваться наружу не могли: голова не могла придумать подходящаго сюжета.

И вотъ онъ взялся за перо и написалъ А. С. Пушкину письмо съ настойчивой просьбой:

«Сдѣлайте на милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой нибудь смѣшной или несмѣшной, но русской чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію... Если-же этого не случится, то у меня пропадетъ даромъ время... Сдѣлайте-же милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь,, куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ оба голодаютъ!»

Это письмо было какъ-бы S. O. S. вдохновенія, утопающаго среди мертвой зыби житейскаго моря.

И понятно, почему именно къ Пушкину обратился Гоголь съ этимъ призывомъ: ихъ связывали въ это время тѣсныя духовныя узы. Гоголь боготворилъ Пушкина, а Пушкинъ, цѣня громадный даръ Гоголя, умолялъ его писать, руководилъ имъ и давалъ темы для творчества.

Чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя, лучше всего усматривается изъ того хватающаго за душу письма, которое, послѣ смерти Пушкина, написалъ Гоголь изъ заграницы П. А. Плетневу въ мартѣ 1837 года: «Мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ... Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина... Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ безъ его совѣта. Все, что у меня было хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе*). Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ и ни одной строчки не писалось безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ... и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя!..»

Не ясно-ли, почему Гоголь обратился за сюжетомъ къ Пушкину! И Пушкинъ, конечно, не оставилъ его безъ отвѣта: далъ сюжетъ для комедіи. Дальъ кратко, только идею, только намекъ, но этого было достаточно. Гоголь жадно схватилъ сюжетъ, по-

грузился въ творчество, и, вѣрный своему слову, «духомъ» написалъ комедію въ 5 актовъ и «смѣшнѣе чорта».

Письмо къ Пушкину было писано 7 октября 1835 г., а 6 декабря Гоголь уже пишетъ М. П. Погодину: «Я расплевался съ университетомъ и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Мимо, мимо все это! Теперь я вышелъ на свѣжій воздухъ... Да здравствуетъ комедія! Одну наконецъ рѣшаюсь давать на театрѣ... Скажи милому Щелкину, что у него 10 ролей въ одной комедіи, какую хочетъ, пусть такую беретъ. Такъ я былъ озабоченъ все время, что едва только успѣлъ третьяго дня окончить пьесу»...

Итакъ ясно, что «Ревизоръ» былъ законченъ писаніемъ около 4-го декабря и что на созданіе его потребовалось времени самое большее 6-7 недѣль.

Не слишкомъ ли быстро для пьесы, которая затѣмъ безконечное число разъ ставилась на сценѣ на протяженіи цѣлаго вѣка, смѣшила, волновала, потрясала слушателей и извѣстна съ дѣтства каждому русскому человѣку?

О нѣтъ, нельзя-же соразмѣрять достоинство литературныхъ произведеній съ мѣрою

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ
Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ
озстановитель крови, рекоменд. луч. врач

*) Гоголь писалъ въ это время «Мертвыя Души».

затоаченнаго на ихъ написаніе времени. Иногда, въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ, набрасываются гениальныя вещи, иногда онѣ пишутся годами, даже десятками лѣтъ. Примѣровъ этому имѣется безъ конца. Достаточно указать, что тотъ же Гоголь, съ мучительными переживаніями, писалъ, чуть не десять лѣтъ, вторую часть своихъ «Мертвыхъ Душъ».

Все зависитъ отъ напряженности налетѣвшаго вдохновенія и отъ наличности въ головѣ достаточнаго матеріала для намѣченнаго сюжета. Въ данномъ случаѣ, творческій порывъ рвался наружу, а за матеріаломъ не надо было обращаться ни къ историческимъ архивамъ, ни къ энциклопедическимъ справкамъ. Все, что было нужно для комедіи, уже давно, съ самаго дѣтства, было подмѣчено и схвачено, громоздилось въ сознаніи, рвалось на волю и не хватало только путеводной нити — сюжета, чтобы распахнуть двери и выпустить на лицезрѣніе всей Руси православной всю эту коллекцію комическихъ типовъ захолустнаго русскаго города.

Трудные роды.

Такимъ образомъ авторъ выносилъ свое дѣтище, которое было и «куда смѣшнѣе чорта», и довольно зубастое, но этого было мало, надо было еще пустить его въ жизнь: провести черезъ всякія цензуры, напечатать и показать со сцены русской публикѣ, и все это было не такъ то легко. Переписанная отъ руки комедія стала читаться авторомъ на вечерахъ у его литературныхъ друзей. Встрѣчала большое одобреніе и приводила всѣхъ въ веселое настроеніе. На вечерѣ у Жуковскаго Пушкинъ чуть не помиралъ отъ смѣха. Однажды, за Гоголемъ прѣѣхала великолѣпная карета отъ очень высокопоставленнаго лица. Не найдя его дома, поѣхала за нимъ туда, гдѣ онъ находился въ кругу друзей. Онъ отказывался отъ приглашенія, ссылаясь на то, что у него нѣтъ фрака, но его заставили сейчасъ-же ѣхать, напялили на него чей-то чужой фракъ не по росту. Потомъ говорили, что онъ читалъ на этомъ вечерѣ неподражаемо въ присутствіи большого общества, генераловъ и сановниковъ. Успѣхъ былъ громадный и Гоголь получилъ на память прекрасные часы.

Однако, среди этого успѣха, начали показываться и шипы. Многіе находили, что это фарсъ, карикатура, недостойная искусства. Баронъ Розень съ гордостью разказывалъ, что во время чтенія Гоголемъ «Ревизора» у Жуковскаго, онъ, Розень, ни разу не улыбнулся и не выразилъ автору ни малѣйшаго одобренія. Число недовольныхъ все увеличивалось и, наконецъ, разразился громовой ударъ: при чтеніи пьесы, цензура перепугалась и строжайше запретила ея печатаніе.

Казалось, все погибло. Но вліятельные друзья, кн. Вяземскій, Тургеневъ, гр. Вельгорскій взялись за дѣло, убѣдили Гоголя апеллировать въ высшую инстанцію. Въ результатѣ, «Ревизоръ» былъ вытребованъ въ Зимній Дворецъ, былъ здѣсь прочитанъ, очень понравился и сейчасъ-же послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе играть пьесу на сценѣ.

Такимъ образомъ, роды были трудные и потребовалось своего рода «Кесарево» сѣченіе, чтобы «Ревизоръ» увидѣлъ свѣтъ Божій.

«Если-бы самъ Государь (писалъ потомъ Гоголь матери) не оказалъ своего высокаго

Николай Васильевичъ

ГОГОЛЬ.

въ 1834 году.

Съ литографіи
А. Г. Венеціанова.

покровительства и заступничества, то, вѣроятно, «Ревизоръ» не былъ-бы никогда игранъ, или напечатанъ.»

Лавры и терніи

Послѣ Высочайшаго разрѣшенія, пьеса пошла въ драматическую цензуру Третьяго Отдѣленія, гдѣ цензоръ Ольдекопъ нашелъ ее великолѣпной и остроумной, а автора — выдающимся писателемъ. Въ Великомъ посту начались репетиціи въ Александринскомъ театрѣ. Артистами пьеса была встрѣчена съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: вызывались ломка всѣхъ ихъ традицій: исчезали старые ложно — классическіе приемы, напыщенные рѣчи, напудренные парики. Все это замѣнялось засаленными сюртуками, дешевой обстановкой, простымъ повседневымъ языкомъ. Самъ Каратыгинъ относился къ пьесѣ неодобрительно. Гоголь всегда лично присутствовалъ на репетиціяхъ, нервничалъ, поправлялъ актеровъ, мѣнял обстановку комнатъ и костюмы дѣйствующихъ лицъ. Его небольшая фигура въ зеленомъ фракѣ и панталонахъ въ клѣтку, съ громаднымъ цилиндромъ, съ золотыми очками на длинномъ птичьемъ носу, съ огромнымъ тупедемъ на головѣ, возбуждали «нескромную веселость» артистовъ.

Двойственное отношеніе къ пьесѣ: хвалы съ одной стороны, нападки съ другой, продолжало расти. Но наступилъ, наконецъ, и великій день 19 апрѣля — первое представленіе комедіи въ Александринскомъ театрѣ. Залъ былъ переполненъ избранной публикой; присутствовалъ Государь съ насильникомъ, смѣялся отъ всей души, просидѣлъ до конца и послѣ окончанія сказалъ: «Ну пьеска! Всѣмъ досталось, а мнѣ болѣе всѣхъ!»

Государь остался очень доволенъ, велѣлъ благодарить артистовъ: одни получили подарки, другіе прибавки жалованья. Пьесу на-

чали ставить чуть не черезъ день. Государь велѣлъ даже министрамъ ходить въ театръ смотрѣть пьесу. Молодежь, какъ описываетъ В. В. Стасовъ, была въ восторгѣ, знала наизусть и повторяла цѣлые монологи. Противъ молодежи выступали пожилые люди, происходили горчія схватки, но фанатическое обожаніе Гоголя молодежью разрасталось все больше и больше.

Казалось-бы — полный триумфъ, благоденствіе для автора. Увы, ничего подобнаго — терзанія безъ конца!

Уже въ моментъ перваго представленія пьесы начались для Гоголя глубокія душевныя муки. И ясно почему. Вѣдь пьеса была великой сатирой на нравы русскаго общества, носила, какъ говорили, чуть не революціонный характеръ и должна была неизбежно всколыхнуть всѣ слои общества и вызвать духовное броженіе. Вѣдь эпиграфъ пьесы: «На зеркало неча пенять, коль рожа крива», и финалъ пьесы, когда городничій, топя ногами, бросаетъ въ публику: «чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» — должны были дрожью пройти по сердцамъ многихъ смѣющихся и заставить ихъ глубоко призадуматься, понять, смутиться и, естественно, протестовать.

Пусть потомъ, въ «Развязкѣ Ревизора», въ сценѣ разговора перваго актера со зрителями: чловѣкомъ большого свѣта и чловѣкомъ не малаго свѣта, указывалось, что вѣдь это-же не авторъ обращается къ публикѣ со словами «надъ собой смѣетесь», а говоритъ это, какъ-бы самъ себя, только актеръ, играющій роль взбѣшеннаго городничаго; пусть, въ видѣ ключа къ комедіи, давалось натянутое объясненіе, что, собственно, высмѣянный авторомъ городъ — это аллегорія; что рѣчь идетъ о душевномъ гордѣ, таящемся въ глубинѣ каждаго изъ насъ, а ревизоръ — это наша пробудивша-

Заключительная сцена изъ «Ревизора».
Собственноручный рисунокъ Гоголя.

яся неподкупная совесть. Все это звучало слишком отвлеченно и искусственно. Тут дѣло было и проще, и жизненнѣе и, главное, гораздо болѣе захватывающе. Здѣсь самъ авторъ являлся своего рода ревизоромъ, — ревизоромъ нравовъ и порядковъ страны. Посланъ онъ былъ по указу Его Величества — Здраваго Смысла и снабженъ мощью таланта и страшнымъ бичемъ сатиры. Съ этими полномочіями обривозовалъ онъ городъ и обличилъ русскіе нравы и порядки всенародно въ безопасной сатиры. Тому ревизору, о прїѣздѣ котораго объявляетъ жандармъ въ финалѣ пьесы, собственно и дѣлать было нечего, онъ не надеялся въ этомъ городѣ ничего такого, чего не было бы и во всѣхъ другихъ городахъ земли русской того времени, и его служебная ревизія светлась — бы къ нулю, а рапорты его завалились бы подъ сукномъ канцелярій.

Куда страшнѣе была эта ревизія писателя — сатирика. Потому-то и взволновалась цензура и строжайше запретила было пьесу. У Гоголя и впоследствии были недоразумѣнія съ цензурой. Вѣдь, не ограничившись обривозованіемъ города, Гоголь потомъ, въ небольшой рессорной бричкѣ, «въ которыхъ ѣздятъ господа средней руки», покатилъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ и по всей Россіи. Чичиковъ скупать мертвыя души, а Гоголь ревизовалъ живыя. И точно также (писалъ Гоголь Плетневу въ январѣ 1842 г.), когда предсѣдатель цензурнаго комитета Голохвастовъ услышалъ названіе: «Мертвыя души», то закричалъ голосомъ древняго римлянина: «нѣтъ этого я никогда не позволю, душа бываетъ безсмертна и авторъ вооружается противъ безсмертія!... А когда ему объяснить, что это «ревизская душа», то онъ закричалъ, что этого и подавно нельзя позволить, т. к. авторъ идетъ противъ крѣпостнаго права». А одинъ изъ цензоровъ даже резонно замѣтилъ: «какъ ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ — по два съ полтиной за душу — возмущаетъ душу. Этого ни во Франціи, ни въ Англии и нигдѣ нельзя позволить»...

Вотъ, какъ-будто, гдѣ разгадка той бури, которая сразу-же поднялась вокругъ «Ревизора»: Здравый смыслъ націй одобряетъ, а косность и низменные инстинкты злобно осуждаютъ: Высшая власть покровитель-

ствуетъ, а чиновничество, болѣе монархическое, чѣмъ самъ монархъ, возмущается и протестуетъ. И, какъ разъ въ самое пекло этой борьбы попалъ Гоголь и всѣ лавры оказались для него обильно перевитыми колючими терніями.

Пожалуй, кульминаціонный пунктъ его терзаній совпалъ именно съ первымъ представленіемъ пьесы. П. В. Анненковъ тонко схватилъ и воспроизвелъ потомъ настроеніе зала: «Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова). Недоумѣніе потомъ возростало съ каждымъ актомъ». Большинство зрителей оставалось на убѣжденіи, что дается фарсъ... и раздавался общій смѣхъ, хотя въ этомъ фарсѣ и были черты, испотенныя глубокой жизненной истины. «Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ по временамъ еще перелеталъ изъ конца зала въ другой, но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ-же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; за то напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми отгѣнками пьесы, иногда мертвая тишина, показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта, прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ»...

Многіе вызывали потомъ автора... но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики былъ: — «это невозможно, клевета, фарсъ»...

А вотъ какъ тотъ-же Анненковъ рисуетъ настроеніе Гоголя въ этотъ знаменательный вечеръ: «по окончаніи спектакля Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднести ему экземпляръ «Ревизора», только что вышедшій изъ печати... Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: «Господи Боже! ну если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!...»

«Пророкамъ нѣтъ славы въ отчизнѣ»

Успѣхъ «Ревизора» среди публики возросталъ, онъ продолжалъ дѣлать полные сборы, но росли одновременно противъ него и нападки. И это было вполнѣ естественно.

въ виду необычайнаго характера произведенія.

О томъ, какъ разнo воспринимался «Ревизоръ» даже лицами изъ одинаковыхъ слоевъ общества, интересно сообщаетъ А. В. Никитенко. Государь рекомендовалъ министрамъ ѣздить на «Ревизора», и вотъ, однажды, будучи въ театрѣ, Никитенко, увидѣлъ, что передъ нимъ въ креслахъ сидятъ кн. Чернышевъ, военный министръ и гр. Канкринъ, министръ финансовъ, причемъ первый очень доволенъ, веселится и хвалитъ пьесу, а второй сердится и сѣтуетъ, что напрасно прїѣхалъ смотрѣть «эту пустую фарсу».

Да и въ литературныхъ кругахъ царило такое-же расхожденіе мнѣній. Въ то время какъ Жуковский и Пушкинъ восторгались писателемъ съ такимъ именемъ, какъ Лажечниковъ говорилъ (по словамъ И. И. Панаева), что это карикатура для потѣхи райка, а извѣстный Каролюкъ, послѣ представленія «Ревизора», только иронически улыбался и замѣчалъ, что «это фарсъ, недостойный искусства».

Конечно, уже самый фактъ шума и оживленныхъ толковъ вокругъ «Ревизора» указывалъ на исключительное значеніе произведенія, вызвавшего такую духовную бурю. А такъ какъ, въ то-же время, комедія эта одобрялась свѣше и продолжала идти при переполненномъ театрѣ чуть не каждый день, то, казалось-бы, автору нечего было особенно терзаться.

Но, повидимому, неблагоприятные отзывы падали уже на болѣзненно чувствительную почву: нервы Гоголя были слишкомъ издерганы всѣми предыдущими переживаниями. Онъ, по удостовѣренію Никитенко, производилъ впечатлѣніе чловѣка «пресѣдѣмаго оскорбленными самолюбіемъ».

Фантазія его начала работать въ томъ направленіи, что онъ непонялъ, что всѣ встаютъ противъ него, и что ему надо уѣхать изъ Россіи.

Этотъ лейтъ-мотивъ проходитъ черезъ всѣ письма, которыя онъ писалъ въ это время своимъ друзьямъ.

«Ревизоръ сыгранъ (пишетъ онъ одному изъ такихъ литературныхъ друзей) и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Главная роль пропала. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Я хотѣлъ бы уѣхать теперь Богъ знаетъ куда».

И эта идея о необходимости бѣжать все укрѣпляется.

«Пророкамъ нѣтъ славы въ отчизнѣ (пишетъ онъ М. П. Погодину)... Писатель современнаго писателя комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины».

«Черезъ мѣсяца полтора, если не ранѣе, уѣду заграничу» (Изъ письма къ Щепкину въ апрѣлѣ 1836 г.).

Мысль объ отъѣздѣ окончательно имъ овладѣла. «Ревизоръ» былъ проданъ дирекціи за 2500 рублей ассигнаціями, деньги на поѣздку были и на 6 іюня 1836 года былъ намѣченъ отъѣздъ пароходомъ на Германію.

Всю ночь напролетъ наканунѣ отъѣзда просидѣлъ у него Пушкинъ. Это было ихъ послѣднее свиданіе.

6-го іюня уѣхалъ, попалъ въ бурный переездъ, сильно мучился; пароходъ вмѣсто 4 дней шелъ полторы недѣли.

Итакъ, не выдержавъ, уѣхалъ, но желаніе творить послѣдовало за нимъ, въ немъ, и

Окончаніе на стр. 8.

заграницей онъ продолжалъ свою новую ре-
визию: «работалъ надъ «Мертвыми Душами».

«Мнѣ даже смѣшно (писалъ онъ Жуков-
скому), что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ
Парижѣ... Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается...
Еще возстанутъ противъ меня новыя сосло-
вія и много разныхъ господъ, но что-же мнѣ
дѣлать! Ужъ судьба моя враждовать съ мо-
ими земляками... Знаю, что мое имя послѣ
меня будетъ счастливѣе меня, и потомки
тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть,
съ глазами влажными отъ слезъ, произне-
сутъ примиреніе моей тѣни...»

Такъ писалъ онъ около ста лѣтъ назадъ.
Это были вѣщія слова: въ эти дни, съ сер-
дечнымъ трепетомъ, кланяемся мы, русскіе
его великой для насъ скорбной тѣни...

Да, тяжекъ удѣлъ писателя, особенно то-
го, на котораго самимъ небомъ возложена
миссія обличать нравы и бичевать ихъ са-
тирою. Не даромъ дается имъ литературное
безсмертіе; дорога къ нему идетъ черезъ
авторскую Голгофу...

А ты, Русь многострадальная, «Божіимъ
произволеніемъ и глупостью человѣческой
ведомая», когда, наконецъ, перестанешь ты
нуждаться въ ревизорахъ, вооруженныхъ
хотя-бы только бичемъ сатиры! Сколько
жгучихъ слезъ, сколько холоднаго смѣха
еще вызоветъ въ мірѣ жуткая игра твоихъ
загадочныхъ судеб! М. Г. Казариновъ